

Е. Н. Голыгин

МЕТОДЫ АНАЛИЗА КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Голыгин
Евгений Николаевич

аспирант Института политологии государственного университета гуманитарных наук, г. Москва

Менталитет политической элиты является одним из важнейших источников политических изменений. Данный тезис наибольшим образом характеризует положение в странах с переходным периодом. Отсутствие устойчивой системы функционирования формальных институтов выдвигает на первый план институты неформализованные, лежащие в субъективной сфере – главным образом, в ее когнитивной или познавательной части. В этой связи для объяснения поведения политиков необходимо знать, что движет ими изнутри, т.е. выявить субъективный фактор. Когнитивный подход позволяет получить представление о познавательных особенностях политиков. На основе полученных данных можно гораздо яснее увидеть внутреннюю логику поведения политика, а не ту, которую мы можем ему приписать. Разумеется, представители когнитивного подхода не претендуют на абсолютность объяснения поведения с помощью когнитивных методов. Кроме когнитивных факторов принятия решений, существует ряд других, но они изучаются в рамках других подходов (теория рационального выбора, бихевиорализм, инкрементализм др.)¹. Связь между когнитивными конструктами и поведением политиков подтверждается рядом эмпирических исследований, следовательно, когнитивные факторы заслуживают отдельного изучения.

К настоящему времени наиболее разработанными являются четыре метода исследования когнитивной сферы политиков: 1) операционное кодирование («operational coding»), 2) исследование когнитивной сложности («cognitive complexity research»), 3) когнитивное картирование («cognitive mapping»), 4) анализ образов («image theory»)². В данной статье наиболее целесообразно представить первые две методики, поскольку когнитивное картирование и анализ образов в России уже достаточно известны и набирают популярность³. Ограничим внимание на операционном кодировании и исследованиях когнитивной сложности. Здесь необходимо будет дать ответы на два вопроса: 1) какие когнитивные факторы выявляет каждая исследовательская программа; 2) какова связь между выявленными факторами и поведением политиков.

Операционное кодирование. С помощью этого метода можно вывести довольно широкий спектр присущих политике когнитивных факторов. Один из авторов метода А. Джордж разработал шаблон для анализа, который включает в себя десять вопросов, ответы на которые и будут операционным кодом политика⁴. Данные вопросы делятся на два типа: «философские» и «инструментальные».

«Философские» убеждения политика составляют его общее представление о политической реальности. Они могут быть выявлены, если получить ответы данного политика на следующие вопросы: 1) Какова сущность политической жизни (гармония или

конфликт)? Каков базисный образ политического оппонента (дружественный или враждебный)? 2) Каковы перспективы для полной реализации базовых ценностей и стремлений? (оптимистичная или пессимистичная позиция). 3) Является ли политическое будущее предсказуемым (в каком смысле и в какой степени)? 4) Насколько человек способен контролировать историческое развитие (может ли человек «формировать» и «двигать» историю в желаемом направлении)? 5) Какова роль случая в делах человека и в историческом развитии (значительная или незначительная)?

Инструментальные убеждения выявляются из ответов на пять других вопросов: 1) Каков наилучший подход к выбору целей политического действия (стратегический или тактический)? 2) Как наиболее эффективно достигать целей действия (с помощью кооперации или конфликта)? 3) Как просчитывать, контролировать и допускать риски политического действия (ограничивать цели, средства или искать союзников)? 4) Как наилучшим образом выбирать время для достижения своих интересов (какое время использовать для реализации целей)? 5) Какова полезность и роль различных средств для достижения своих интересов (угрозы, переговоры, оказание поддержки, наказания)?⁵

Как мы видим, учеными были предложены типовые ответы на вопросы. Собственно конфигурация этих ответов и составляет операционный код политика. Ответы на эти вопросы будут составлять содержательную структуру убеждений. В эту структуру попадают ценности, интересы, собственно политические убеждения, различные эвристики и другие когниции. Выражаясь метафорически, операционное кодирование – это своего рода «сито», через которое аналитик пропускает высказывания политика и «вылавливает» когниции в соответствии с приведенным выше шаблоном.

Специальных исследований по изучению корреляции убеждений и поведения политиков проводилось мало. Такие ученые как Н. Лейтес, О. Холсти и Д. Мак-Лилан вообще не делали попыток четкого разделения убеждений и поведения политиков. Они выявляли операционный код политика, исследуя не только его убеждения, но и характер поведения. Некоторые ученые интересовались вопросом, каким образом операционный код связан с официальной риторикой политиков (речевой активностью), а именно согласуются ли убеждения, входящие в операционный код, с публичными заявлениями. Исследования Л. Джонсона, Д. Стюарта и Х. Старра подтвердили, что публичные заявления, как правило, не противоречат убеждениям политиков. Кроме того, они пришли к выводу, что знание операционного кода политического лидера позволяет прогнозировать изменения в его официальной риторике, а также стиль переговоров с другими участниками политического процесса.

Пожалуй, самый значительный вклад в развитие темы отношения операционного кода к поведению политиков внес С. Уолкер. Именно он сделал попытку проследить связь между убеждениями и действиями политика, на примере поведения американского госсекретаря Г. Киссинджера, проводившего переговоры с вьетнамским руководством по поводу прекращения

военных действий на территории Вьетнама⁶. По результатам исследования С. Уолкер утверждал: несмотря на то, что Г. Киссинджер не обладал полным контролем над процессом переговоров с вьетнамской стороной, поведение американского руководства во время переговоров соответствовало его операционному коду, следовательно, знание операционного кода госсекретаря становилось необходимым условием для объяснения его поведения. Вместе с тем, С. Уолкер отмечал, что для более точного объяснения поведения политика и его прогнозирования знания операционного кода недостаточно. Необходимы комплексные исследования факторов принятия решений. Однако исследование, проведенное Уолкером, дает основания утверждать, что операционный код политика может рассматриваться как образование, «ответственное» за поведение политика.

Исследование когнитивной сложности. Эта методика концентрирует внимание на разнообразии и организованности когниций политика. Для анализа когнитивной сложности были разработаны различные варианты контент-анализа. М. Херманн определяет уровень когнитивной сложности, выявляя слова в заявлениях политиков, которые служат индикатором сложности/простоты суждений. К примеру, на сложность менталитета указывают такие слова как «условный», «отчасти», «разносторонний», «допустимый» и т.п. О простом когнитивном складе говорят выражения «всегда», «невзирая ни на что», «без сомнения», «определенно» и др. Когнитивная сложность определяется соотношением «сложных» фраз с суммой «сложных» и «простых» фраз вместе. Самым подходящим источником данных для анализа являются спонтанные выражения политика, чаще всего это интервью⁷.

Для измерения когнитивной сложности наиболее популярной является семизначная шкала⁸. Система кодировки материала сфокусирована скорее на структуре оцениваемого материала, чем на утверждениях о фактах или описании процессов. От кодировщиков требуется определить, осознается ли политиком две различные интерпретации или перспективы в отношении какого либо события. При этом конкретное содержание текста опускается. Затем абзацы ранжируются по семизначной шкале и подсчитывается средняя величина. Значения от 1 до 3 присваиваются, если политик видит более чем одну сторону проблемы, 4 – если есть разностороннее видение, но не достаточно связное, от 5 до 7 – если различаются разные обстоятельства при наличии общей, интегрированной картины. Как правило, политики не получают более 4 баллов.

Исследователи выявили ряд зависимостей между степенью когнитивной сложности и поведенческим стилем политиков. В работах М. Драйвера и М. Херманн указывается, что чем ниже уровень когнитивной сложности у политика, тем более он склонен к конфликтному поведению. Политики этого типа также больше склонны к риску, тратам огромных ресурсов и менее – к дипломатическим методам. Ученые пришли к общему выводу, что политики с низким уровнем когнитивной сложности больше склонны бросать вызов препятствиям и ограничениям, руководители с более высоким уровнем – расположены к их учету в своей деятельности⁹.

Исследования Т. Престона, М. Херманн и Д. Каарбо показали, что национальные лидеры (президенты, премьер-министры) по-разному организуют работу совещательных аналитических служб в зависимости от степени когнитивной сложности. Т.

Престон выявил такой факт, что американские президенты с высоким уровнем когнитивной сложности стремились создать аналитические службы, которые бы активно занимались изучением информации о внешней среде, выявляли проблемный контекст деятельности, развивали внутренние дискуссии и в целом делали бы процесс принятия решений совещательным. Аналитические службы президентов с низким уровнем когнитивной сложности, напротив, работали более формально и поддерживали внутреннюю иерархию¹⁰.

В связи с тем, что когнитивная сложность имеет прямую связь со стилем поведения, определение данного показателя может использоваться в политическом прогнозировании. Исследования ряда ученых показали, что в кризисных ситуациях снижение уровня когнитивной сложности может служить свидетельством о намерении решить конфликт силовым путем. Более того, сравнение индексов когнитивной сложности противоборствующих участников конфликта позволяет определить вероятного победителя. Победит, скорее, тот, чей уровень когнитивной сложности выше, чем у оппонентов.

Говоря о методе измерения когнитивной сложности в целом, можно утверждать, что данный метод помогает определить общий характер поведения политика, насколько он склонен к сотрудничеству, его гибкость при принятии решений, манеру организации аналитической работы, а в общем когнитивный стиль.

Продуктивность использования приведенных в статье методов доказана рядом полученных результатов как по изучению собственно когнитивности политиков, так и их поведения. Каждый из представленных методов позволяет нарисовать своего рода портрет политического деятеля, выявив специфическое содержание его менталитета. В результате применения этих методик накопился значительный материал о когнитивных особенностях политиков, позволивший построить новые объяснительные модели политического поведения.

1. См. Дегтярев А. А. Принятие политических решений. – М. 2004.

2. См. Young, M.D, Schafer, M. Is There Method in Our Madness? Ways of Assessing Cognition in International Relations. *Merston International Studies Review*, 1998. Vol. 42.

3. Боришполец К.П. Методы политических исследований. – М. 2005, с 75-89; Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // *Полис*, 2003, № 1; Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2006; Киселев И.Ю. Образы государства в международных отношениях: механизмы трансформации // *Полис*, 2003, № 3; Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. – М.: Логос, с. 53-75 и др.

4. George, A. The «Operational Code»: A Neglected Approach to The Study of Political Leaders and Decision-Making // *International Studies Quarterly*, 1969. Vol. 13.

5. Варианты ответов в скобках даны по источнику Walker, S., Schafer, M., Young, M. «Presidential Operational Codes and Foreign Policy Conflicts in The Post-Cold War World» *Journal of Conflict Resolution* Volume 43 №5 October 1999: P. 615.

6. Walker, S., The Interface Between Beliefs and Behavior: Henry Kissinger Operational Code and The Vietnam War // *Journal of Conflict Resolution* Volume 21 №1 March 1977.

7. Young, M.D, Schafer, M. Is There Method in Our Madness? Ways of Assessing Cognition in International Relations. *Merston International Studies Review*, 1998. Vol. 42, p. 86.

8. Suedfeld, P, Wallbaum, A. B. Modifying integrative complexity in political thought: Value conflict and audience disagreement // *International Journal of Psychology*, 1992, Vol. 26; Satterfield, J. Cognitive-Affective States Predict Military and Political Aggression and Risk Taking // *Journal of Conflict Resolution*, 1998, Vol. 7, N.6.

Р. А. Зайнетдинова

Ю. М. ЛОТМАН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

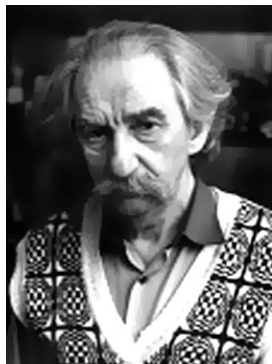
Зайнетдинова
Регина Аликовна

ассистент кафедры общегуманитарных
дисциплин Института международных связей,
г. Екатеринбург

В 1960-х годах в Италии и Франции выходят первые труды семиотиков, работающих в то время в Москве и Тарту. В центре этой новой области исследований — в качестве связующего звена и точки опоры (в частности, благодаря серии «Трудов по знаковым системам») — стояло имя Юрия Михайловича Лотмана, который исходил в своих работах из структуралистского подхода к феномену сигнификации и коммуникации (впервые на Западе в статье - «Точные методы в советской гуманитарной науке» - появившейся в 1967 году в журнале «Strumenti critici»¹, которая основывалась в основном на выводах теории информации, кибернетики, структурной лингвистики). В 1968 году Юлия Кристева опубликовала в журнале Tel quel (№ 35) первый французский перевод работ тартуских семиотиков. Вместе они основали Международную Ассоциацию Семиотики; хотя Ю.М. Лотман был «невъездным» и не мог покинуть Советский Союз, чтобы присутствовать на учредительном конгрессе в Варшаве, он стал вице президентом Ассоциации в 1968 году².

Заглавие программной статьи Лотмана «Литературоведение должно стать наукой»³ в полной мере отражает основную идею семиотического движения шестидесятых годов. Ощущение непреложности семиотического мира находит свое выражение в наукообразии семиотической теории, в ее стремлении следовать «научному методу», логически правильному и неукоснительно соблюдаемому, как методы математики и естественных наук, какими они выглядят в представлении гуманитариев. Сам язык семиотических исследований создает ощущение абстрактного порядка, возвышающегося над конкретными личностями и конкретными обстоятельствами. Субъективность позиции исследователя, метафоричность и эклектичность языка описания признаются нежелательным отступлением от принципов твердой науки. Тотальность ранней семиотики, размывание границ между областями знания, идеями и методами, служила отрицанием официозно-традиционалистской науки, укорененной в национальных академических традициях и институтах, будь то советская, или французская, или американская академическая элита. Политические взгляды представителей семиотики также был диссидентскими: специалист по структуральной и генеративной лингвистике, структуральной поэтике и антропологии, семиотике культуры бросал вызов

не только традиционной науке, но и официальной идеологии и ортодоксальности социального поведения (связи между правозащитным движением в СССР в 1960-е годы и «тартуско-московской» семиотикой, французской семиотикой с левым движением). Универсальность и четкость семиотических методов делала несущественными на начальном этапе различия контекстов, реальных человеческих судеб, характеров, интересов, культурной родословной всех тех, кто создавал себя «носителями» семиотической идеи. И это осознавалось как торжество универсальной объективности научного метода. Полная понятность общего подхода и научного языка давала возможность проводить поступивший извне «текст» в свою собственную среду, делая его естественной составной частью своего мира. Работы московских и тартуских семиологов периодически продолжали появляться на страницах «Tel Quel», где они соседствовали с политической и литературной полемикой, ведущейся с левосоциалистических или коммунистических позиций, статьями, трактующими марксистско-ленинскую диалектику и восторженными откликами на китайскую культурную революцию, выяснением отношений между экзистенциализмом и психоанализом, и т.д. Соответственно, в СССР работы Якобсона, Тарановского, Леви-Стросса, Барта, Кристевой, Тодорова, Бремона, Эко ходят по рукам, служат предметом рефератов и дискуссий на семиотических семинарах, оберегаемых от официальной цензуры, фигурируют в качестве библиографических отсылок в работах по семиотике.

В 1972 году в Италии вышла книга Лотмана «La struttura del testo poetico» — самое известное из всех произведений семиотики литературы, также повлиявшее на теоретическую постановку вопросов в отношении семиозиса художественного текста, и не только в России, но и на Западе — во Франции и Италии. Пространственность как принцип организации, произведение искусства как конечная модель бесконечного мира, событие, в котором есть выход персонажа за границы семантической области, явились важнейшим вкладом Лотмана в дискуссию об отношениях между литературой и действительностью, развернувшуюся в Италии в конце 60-х годов. Размышления Лотмана о многогранности произведения искусства, предусматривающей для критика плюрализм подходов и гибкость используемых приемов, отозвались в текстуальных теориях Умберто Эко: от книги «Opera aperta», в которой автор говорил о произведении искусства как об области вероятности, где многообразие означающих воплощается в одно означаемое; через анализ сюжетной схемы в «La struttura assente» к пониманию текста как «презуппционного устройства» в «Lector in fabula». В смысле утверждения образа читателя, который является частью смыслопорождающего механизма самого